

Причиной его беспокойства стала не магическая природа всех предметов в комнате: от круглого стола из чёрного махагона до обитых шёлком кресел. И не в плотно расставленных массивах, окружавших помещение. Во время своих частых визитов в королевский дворец Лит видел и не такое. Кэлан сидел на противоположной стороне круглого стола, а помолодевший граф Ксольвер стоял прямо за спиной своего хозяина. С левой же стороны восседал скелет, который, несмотря на свою гнилую плоть и пыльную одежду, излучал такую величественную ауру, какой Лит никогда прежде не видел. Через Жизненный обзор это существо напоминало солнце, и Лит не составило труда разглядеть в нем Пробуждённого и лича.

Город Отре, зал собраний Ассоциации магов.

Литу оставалось чуть больше двух часов, но его немногочисленные вещи уже весили в руках Тисты как камешки. Время от времени она применяла к ним Бодрость, используя их оттиск, чтобы уверить себя, что её брат всё ещё жив.

Джирни не волновалась за него, но тем не менее её взгляд не отрывался от ножен Гетйкипера, лежавших прямо на столе. Она хорошо помнила, как долго они с Флорией уговаривали Ориона сделать меч в подарок Литу на день рождения. Это было другое время, время, когда клинок был нечто большим, чем просто оружие для убийства. Для Джирни он был средством достижения многих целей. Он должен был помочь Литу остаться в живых среди хаоса любого поля боя. Гарантировать счастье её дочери, Флории. Заложить основы отношений, которые принесут славу семье Эрнас. Её пальцы погладили рукоять меча, распознав следы мастерства своего жениха. Всё это было в прошлом, заставляя Джирни одновременно любить и ненавидеть этот холодный кусок металла. В её глазах он хранил слишком много невыполненных обещаний и желаний, которые так и не сбылись.

Камила уставилась на свою пустую руку. Она могла поклясться, что ощущала его теплое прикосновение. Её мысли были прикованы к образу камелии, которая ждала её в номере отеля. Она перевезла её в Отре из своей квартиры через несколько дней после переезда, не желая видеть её гибель из-за манипуляций командира Бериона.

«Я понимаю, что мы знакомы недолго, как и то, что с начала этой миссии мы были не более чем соседями по комнате до сегодняшнего вечера. Тогда почему мне больно от того, что он ушёл не попрощавшись? Насколько мне действительно важны наши отношения?»

Внутри своей кольцевой формы Солус ещё не успела осознать, как быстро они расстались. Это был не первый раз, когда она оставила руку, которая столько лет была всем её миром, но это был первый раз, когда эта рука добровольно оставила её.

Как только Лит вышел из зоны действия их мысленной связи, весь Могар словно изменился на глазах. Цвета были ярче, свет теплее. На лицах членов Ассоциации, где она обычно видела намёки на обман и недоброжелательность, она увидела лишь искреннее беспокойство за жителей Отре. Без травм Лита, преследующих её восприятие, без его параноидальной, узкой

точки зрения на людей, звучащей в сознании, в мире было гораздо больше красоты, чем она когда-либо считала возможным. Но даже это не приносило ей радости. Без своего партнера все обещания счастья, которые давало будущее, казались пустым звуком. Её каменное тело стало тюрьмой. Она могла воспринимать внешний мир, но не могла чувствовать что-либо. Она была словно заперта в закрытой комнате, лишь наблюдая через камеру за тем, что происходит снаружи, не имея возможности взаимодействовать с этим. Молчаливый свидетель.

«Я понимаю, почему он пошел один, но я всё ещё не могу поверить, что он не спросил моего мнения. После всего, через что мы прошли вместе, неужели Лит не понимает, насколько он важен для меня? Если он умрет, что станет со мной? Я могу привязаться к Тисте, но с какой целью? Чтобы смотреть, как она стареет и умирает? Чтобы стать какой-то семейной реликвией? Смотреть, как другие живут своей жизнью, в то время как единственное, что меняется для меня, — это рука, носящая мою судьбу? Что хорошего в том, если я вновь обрету все свои силы, может быть, даже человеческое тело, и буду вынуждена провести вечность в одиночестве? Потерять единственного, кто знает и заботится о моей душе?»

Солус понимала, что если она не начнёт тратить ману, то сможет прожить несколько месяцев, прежде чем её снова заставят связать себя узами брака. Тем не менее, с каждой секундой ей казалось, что она умирает.

Инксиалот, король-лич, с ненавистью смотрел на всех, кто находился в комнате. На самом деле у личей не было титула «король». Он был всего лишь утешительным призом за то, что во время последней лотереи, определявшей, кто будет представлять нежить Пробуждённых в Совете, ему достался короткий конец палки. Поскольку секрет Пробуждения, в виде человеческого новорождённого, должен был быть защищён от собратьев-нежити, Совет послал Инксиалота убедиться, что дворы соблюдают правила. Жизнь или смерть Литы не имели для него никакого значения. Единственное, о чем он заботился, — это не дать кучке чёртовых бессмертных дураков стать способными соперничать с ним за власть и ресурсы. Иначе он никогда бы не покинул свою лабораторию на столь долгий срок. Он одинаково ненавидел все дворы.

«Проклятые ублюдки. По крайней мере, заседания Совета длятся минуты, а эта махинация может занять гораздо больше времени, может даже часы! Погасил ли я огонь в своём котле? Я готовил этот эликсир годами! Не знаю кто, но кто-то умрёт за то, что заставил меня оставить без присмотра столько бесценных экспериментов», — паника и ярость поступали и покидали вращающуюся дверь, которая олицетворяла его хаотичный разум.

Его поток маны был настолько сильным, что даже Жизненный обзор мог видеть, как она циркулирует по всему телу лича. Она просачивалась в каждое из его колец, в каждое волокно его изорванной мантии и даже внутрь посоха, который он держал. Лит не понимал, как другие могут быть такими спокойными, несмотря на присутствие такого чудовища.